

Налим — эпизод 1 из 2

Летнее утро. В воздухе тишина; только поскрипывает на берегу кузнечик да где-то робко мурлыкает орличка. На небе неподвижно стоят перистые облака, похожие на рассыпанный снег... Около строящейся купальни, под зелеными ветвями ивняка, барахтается в воде плотник Герасим, высокий, тощий мужик с рыжей курчавой головой и с лицом, поросшим волосами. Он пыхтит, отдувается и, сильно мигая глазами, старается достать что-то из-под корней ивняка. Лицо его покрыто потом. На сажень от Герасима, по горло в воде, стоит плотник Любим, молодой горбатый мужик с треугольным лицом и с узкими, китайскими глазками. Как Герасим, так и Любим, оба в рубахах и портах. Оба посипели от холода, потому что уж больше часа сидят в воде... Да что ты всё рукой тычешь? кричит горбатый Любим, дрожа как в лихорадке. Голова ты садовая! Ты держи его, держи, а то уйдет, анафема! Держи, говорю! Не уйдет... Куда ему уйтить? Он под корягу забился... говорит Герасим охрипшим, глухим басом, идущим не из гортани, а из глубины живота. Скользкий, шут, и ухватить не за что.

Ты за зебры хватай, за зебры!

Не видать жабров-то... Постой, ухватил за что-то... За губу ухватил... Кусается, шут!

Не тащи за губу, не тащи выпустишь! За зебры хватай его, за зебры хватай!

Опять почал рукой тыкать! Да и беспонятный же мужик, прости царица небесная! Хватай!

Хватай... дразнит Герасим. Командер какой нашелся... Шел бы да и хватал бы сам, горбатый чёрт... Чего стоишь?

Ухватил бы я, коли б можно было... Нешто при моей низкой комплекции можно под берегом стоять? Там глыбоко!

Ничего, что глыбоко... Ты вплавь...

Горбач взмахивает руками, подплывает к Герасиму и хватается за ветки. При первой же попытке стать на ноги, он погружается с головой и пускает пузыри. Говорил же, что глыбоко! говорит он, сердито вращая белками. На шею тебе сяду, что ли?

А ты на корягу стань... Коряг много, словно лестница...

Горбач нащупывает пяткой корягу и, крепко ухватившись сразу за несколько веток, становится на нее... Совладавши с равновесием и укрепившись на новой позиции, он изгибается и, стараясь не набрать в рот воды, начинает правой рукой шарить между корягами. Путаясь в водорослях, скользя по мху, покрывающему коряги, рука его насккивает на колючие клешни рака...

Тебя еще тут, чёрта, не видали! говорит Любим и со злобой выбрасывает на берег рака.

Наконец, рука его нащупывает руку Герасима и, спускаясь по ней, доходит до чего-то склизкого, холодного.

Во-от он!.. улыбается Любим. Зда-аровый, шут... Оттопырь-ка пальцы, я его сейчас... за зебры... Постой, не толкай локтем... я его сейчас... сейчас, дай только взяться... Далече, шут, под корягу забился, не за что и ухватиться... Не доберешься до головы... Пузо одно только и слышать... Убей мне на шее комара жжет! Я сейчас... под зебры его... Заходи сбоку, пхай его, пхай! Шпыняй его пальцем!

Горбач, надув щеки, притаив дыхание, вытаращивает глаза и, по-видимому, уже залезает пальцами под зебры, но тут ветки, за которые цепляется его левая рука, обрываются, и он, потеряв равновесие, бултых в воду! Словно испуганные, бегут от берега волнистые круги и на месте падения вскакивают пузыри. Горбач выплывает и, фыркая, хватается за ветки.

Утонешь еще, чёрт, отвечать за тебя придется!.. хрипит Герасим. Вылазь, ну ты к лешему! Я сам вытащу!

Начинается ругань... А солнце печет и печет. Тени становятся короче и уходят в самих себя, как рога улитки... Высокая трава, пригретая солнцем, начинает испускать из себя густой, приторно-медовый запах. Уж скоро полдень, а Герасим и Любим всё еще барахтаются под ивняком. Хриплый бас и озябший, визгливый тенор неугомонно нарушают тишину летнего дня.

Тащи его за зебры, тащи! Постой, я его выпихну! Да куда суешься-то с кулачищем? Ты пальцем, а не кулаком рыло! Заходи сбоку! Слева заходи, слева, а то вправо колдобина! Угодишь к лешему на ужин! Тяни за губу!

Слышится хлопанье бича... По отлогому берегу к водопою лениво плетется стадо, гонимое пастухом Ефимом. Пастух, дряхлый старик с одним глазом и покривившимся ртом, идет, понуря голову, и глядит себе под ноги. Первыми подходят к воде овцы, за ними лошади, за лошадьми коровы.

Потолкай его из-под низу! слышит он голос Любима. Просунь палец! Да ты глухой, чё-ёрт, что ли? Тьфу!

Кого это вы, братцы? кричит Ефим.

Налима! Никак не вытащим! Под корягу забился!